

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РАССЕЯННОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У статті обґрунтовано поняття розсіяного епістолярного вокатива як звертання, що декілька разів фігурує в листі або в одному й тому самому, або в модифікованому вигляді. Виділено та схарактеризовано основні структурні типи розсіяного вокатива: гомогенний і гетерогенний.

Ключові слова: епістолярний вокатив, звертання, лист, адресант, адресат.

A concept diffused vocative as an appeal, repeatedly appearing in a letter either in the same or in the modified form is grounded. The main structural types of the diffused vocative, such as homogeneous and heterogeneous, are selected and described.

Key words: epistolary vocative, appeal, letter, addresser, addressee.

Термином **эпистолярный вокатив** мы обозначаем разнообразные средства установления адресованности эпистолярного текста. Самым распространённым из них является прямое обращение, однако адресованность письма может быть обозначена и другими способами, в числе которых назовём метатекстовую адресацию, осуществляемую по типу: "такому-то от такого-то" или "от такого-то такому-то", например: *Александр Николаевич и Николаю Павловичу Молас от Модеста Мусоргского Грамотка* [11, с. 250]. Возможна также косвенная адресация, т. е. именование адресата "в третьем лице", когда в начале письма впервые контакт устанавливается посредством именованного адресата в косвенном падеже, как, скажем, в одном из писем К. Г. Паустовского: *Две ночи у дяди Коли, почти без сна. За окном мутные пятна фонарей. Холодно, тоскливо. После тревожных дней я остаюсь один со своими думами о Кролёнке маленьком и нежном. А Кролёнок не пишет* [12, с. 54]. Языковые средства адресации письма различны по морфологическим и синтаксическим свойствам и по своей прагматике, однако в предлагаемой статье мы рассмотрим только один тип эпистолярного вокатива – рассеянный вокатив.

Лингвисты неоднократно отмечали особое значение начального обращения письма для эпистолярной коммуникации. Оно служит для установления контакта между автором и адресатом, т. е. выполняет вокативную функцию, сущность которой заключается в привлечении внимания другого лица [4, с. 83]. Установлено, что обращение является одним из основных средств диалогизации эпистолярного текста и выполняет коммуникативно-прагматическую и квалифицирующе-оценочную функции [1, с. 113]. Начальное обращение принадлежит к композиционным эпистолярным элементам и во многом определяет выбор автором языковых средств, функционально-стилистическую окраску текста и тональность общения [5, с. 15]. Поэтому естественно и то, что именно начальное обращение письма в первую очередь привлекало внимание учёных [2; 3; 5].

Обращение как элемент зачина письма является частным случаем эпистолярного вокатива, однако во многих письмах вокатив расположен не в начале, а в середине или даже в концовке письма. Достаточно типичен случай бинарного вокатива, когда обращение повторяется дважды: в начале и в конце письма, в составе заключительной формулы вежливости, образуя рамку текста. В целом ряде случаев текст письма содержит несколько обращений к адресату, при этом часто наблюдается варьирование и всей вокативной конструкции, и только отдельных её компонентов. Такого рода вокатив представляет собой комплекс адресующих номинаций, пронизывающий текст письма, и может быть охарактеризован как **рассеянный вокатив** или поливокатив, который мы определяем как многократное, от трёх и более раз, обращение автора письма к своему адресату, вызванное, как правило, особой значимостью письма, его объёмом, эмоциональным состоянием

адресанта, требующим непрерывного контакта с адресатом, особенно если это близкий ему человек. Вот пример эпистолярного текста с рассеянным вокативом – письмо партизанки В. Поршневой, написанное в 1941 году незадолго до её гибели в фашистском застенке:

Милая мамочка!

Пишу это письмо перед смертью. Ты его получишь, а меня уже не будет на свете. Ты, мама, обо мне не плачь и не убивайся. Я смерти не боюсь... Мамочка, ты у меня одна остаёшься, не знаю, как ты будешь жить. Я думаю, что Зоя тебя не бросит. Ладно, моя милая, доживай как-нибудь свой век. Мама, я всё же тебе немного завидую: ты хоть живёшь пятый десяток, а мне пришлось прожить 24 года, а как бы хотелось пожить и посмотреть, какая будет дальше жизнь. Ладно, отбрасываю мечты...

Писать кончаю, не могу больше писать: руки трясутся и голова не соображает ничего – я уже вторые сутки не кушаю, с голодным желудком умирать легче. Знаешь, мама, обидно умирать.

Ну ладно, прощай, моя милая старушка. Как хотелось бы посмотреть на вас, на тебя, на Зою, милого Женечку, если сохраните его, расскажите ему, какая у него была тётя. Ну всё. Целую вас всех и тебя, мою мамочку.

Твоя дочь Вера [8, с. 60–61].

Как видим, в этом совсем небольшом письме, в полутора десятках строк девушка семь раз употребляет обращение к матери, что создаёт эффект постоянного соприкосновения с родным человеком. Многие письма, написанные в сходной ситуации, требующей высочайшего напряжения всех душевных сил, также содержат неоднократное обращение к адресату [8, с. 195–196, 232, 240, 247, 263–265, 270–271, 350, 424–425, 458, 482].

Ещё один пример: в письме к Л. С. Мизиновой А. П. Чехов неоднократно обращается к своей знакомой, каждый раз по-новому называя её: *милая Лика ... милая блондиночка ... хорошенькая Лика ... Лика ... Лика ... милая моя Лика* [18, т. 12, с. 30–31].

При этом характер рассеянного вокатива определяется не столько количеством входящих в него номинаций адресата, сколько их разнообразием и спецификой компонентов, в качестве которых могут выступать антропонимы (*Оля, Андрей Петрович, Евдокимыч, Пастернак*), апеллятивы (*друг, голубушка, сестра*), субстантивированный адъектив (*милый, родной мой, дорогой*) или клише (статусное обращение типа *милостивый государь, господин, товарищ*). Если какой-либо из этих компонентов воспроизводится в письме неоднократно, то его можно считать доминирующим, хотя рассеянный вокатив может и не иметь доминанты.

В зависимости от степени разнообразия компонентов рассеянный вокатив может быть гомогенным, то есть включающим однотипные номинации: только антропонимы или только апеллятивы и т. д. – и гетерогенным, сочетающим номинации разного типа.

Рассеянный гомогенный вокатив с доминантой-антропонимом включает в свой состав только антропонимы в той или иной форме или антропонимы в сопровождении детерминантов. Эта модель с варьируемым числом компонентов встречается в письмах разных авторов: *Natalie – Наташа – Наташа* [7, с. 254–255], *Борис! – Борис – Борис – Борис!* [13, с. 340–343], *Лика – Лика – Лика* [18, т. 11, с. 544]. Если обозначить антропоним следующим образом: *И* – имя, *ИО* – имя и отчество, *Ф* – фамилия, то структура гомогенного поливокатива с доминантой – именем адресата может быть представлена в обобщённом виде так: *И ... И ... И*. Основная функция гомогенного поливокатива такого типа – установить и поддержать контакт с адресатом.

Распространённой модификацией этой модели является сочетание антропонима с детерминантом в первой позиции и неоднократный повтор имени адресата в тексте письма: *многоуважаемый ИО ... ИО ... ИО ... ИО* [15, с. 374–376], *дорогой ИО ... ИО ... ИО* [9, с. 115–116, 141–142, 151–153; 13, с. 449–451, 454–456, 460–462], *дорогой И ... И ... И* [9, с. 98; 13, с. 517; 11, с. 13–14], *родная И ... И ... И ... И ... И* [13, с. 27–34], *И, родная ... И ... И* [13, с. 514–515], *дорогая, дорогая И ... И ... И ... И* [13, с. 102–103]. И это вполне закономерно: в момент установления контакта адресант делает комплимент адресату, подчёркивает его

положительные качества, тем самым создавая благоприятные условия для дальнейшего взаимодействия, а затем ему остаётся лишь поддерживать контакт, для чего достаточно назвать адресата по имени. При этом в составе рассеянного вокатива не только может варьироваться форма имени, но иногда сочетаются имя и прозвище, например А. П. Чехов называет Л. С. Мизинову то её именем Лика, то именем одного из персонажей пьесы, которая шла в Малом театре: *Милая Мелита ... Мелита ... Лика ... Мелита ... Мелита* [18, т. 11, с. 544–545]. Первый компонент рассеянного вокатива данного типа несёт более значительную функциональную нагрузку, чем остальные: он выполняет, помимо фатической, эмоционально-экспрессивную функцию, что обусловлено семантикой входящих в его состав детерминантов, остальные же компоненты вокатива служат поддержанию контакта между коммуникантами.

Нередко, однако, гомогенный поливокатив с доминантой-антропонимом объединяет в своём составе онимы с детерминантами в разных позициях, например: *И ... И ... И ... И ... И ... И, родная* [13, с. 42–47], *дорогая И ... дорогая И ... И ... дорогая И ... И, дорогая* [13, с. 23–24], *И ... И ... дорогой И* [11, с. 44–51]. При этом детерминанты могут как повторяться, так и варьироваться, что создаёт большое число самых разнообразных комбинаций: *И, дорогая моя сестра ... дорогая И ... И* [13, с. 75–77], *милый мой И ... Чёрный И ... И, милый* [9, с. 160–162], *многоуважаемая ИО ... ИО ... ИО ... добрая ИО* [17, с. 32–33], *милая И ... милая, сердитая И ... милая И* [18, т. 12, с. 259–261]. Такой вокатив динамичен, он эксплицирует высокий эмоциональный накал отношений между коммуникантами и обеспечивает поддержку заданного уровня эмоционального контакта в продолжение всего акта общения.

Несколько иначе обстоит дело с гомогенным рассеянным вокативом, доминантой которого является апеллятив. Такой поливокатив включает в себя повторяющуюся несколько раз лексему (возможно, с разными детерминантами) или разные лексемы, называющие адресата. Повтор одного и того же апеллятива в письме – явление достаточно редкое и представлено в собранном нами материале всего несколькими примерами: *брат ... брат ... брат* [10, с. 492–497], *мой милый друг ... милый друг ... милый друг* [10, с. 511–512], *любезный друг ... друг ... друг* [10, с. 562–565], *мой дорогой друг ... мой милый друг ... друг мой ... милый друг мой* [17, с. 211–212]. Значительно чаще вокатив этого типа объединяет разные лексемы, причём, как правило, хотя бы часть из них имеют детерминанты, например: *милый брат ... мой друг ... мой друг ... мой друг* [14, с. 17–20], *барон ... душа моя ... душа моя* [14, с. 313–314], *царица моя ... моя прелесть ... мой друг* [14, с. 576–577], *милая моя жёнка ... ангел кротости и красоты ... мой друг* [14, с. 551–552], *жёнка ... мой ангел ... жёнка душа* [14, с. 416–417], *мой ангел ... моя жёнка ... моя плотненькая брюнетка ... мой ангел* [14, с. 437–438], *милый друг ... силач ... милый брат по Аполлону* [10, с. 510–511]. Множество разнообразных и нередко весьма экзотических обращений к жене содержат письма А. П. Чехова: *дусик мой, лошадка ... дусик ... пупсик мой* [18, т. 12, с. 519–520], *супруга моя хорошая ... радость моя ... радость моя, собачка добрая, приятная* [18, т. 12, с. 530–531], *супружница моя славная ... клопик мой ... дусик мой* [18, т. 12, с. 455–456], *актрисуля, дуся ... бабуня ... бабуня* [18, т. 12, с. 467–468], *дуся моя, жена ... собачка, собачка ... радость* [18, т. 12, с. 536–537], *лошадка ... лошадка ... моя радость* [18, т. 12, с. 510], *милая моя лошадка ... дусик ... лошадка моя, венгерец мой хороший* [18, т. 12, с. 511–512], *радость моя ... радость, прелесть моя ... дуся, милая ... дуся ... жена моя ... немочка моя добрая, славная, тихая моя* [18, т. 12, с. 420–421], *милая моя супружница ... дуся моя ... светик мой* [18, т. 12, с. 421–422], *милая, драгоценная, великолепная актриса ... моя верная спутница на Ай-Петри и в Бахчисарай ... моя радость* [18, т. 12, с. 309–310], *милая актриса, эксплуататорша души моей ... дуся моя ... дуся моя, актриса отчаянная* [18, т. 12, с. 392–393] и др. Рассеянный вокатив этого типа максимально персонифицирован: с одной стороны, такому способу именованию адресата отдают предпочтение лишь некоторые авторы писем, в частности, особенно много подобных примеров в эпистолярной А. С. Пушкина и А. П. Чехова, с другой стороны, даже у этих авторов апеллятив доминирует в переписке с очень ограниченным кругом адресатов, с которыми их связывают самые близкие отношения. Гомогенный

поливокатив с доминантой-апеллятивом выполняет не только фатическую и эмоционально-экспрессивную функции, но также и поэтическую функцию, поскольку он зачастую отличается образностью, включает эпитеты, метафоры, перифразы, что предполагает творческое отношение адресанта к языку.

Субстантивированные адъективы в качестве доминанты гомогенного поливокатива представлены в анализируемом материале единичными примерами: *милая ... милая ... милая моя* [6, с. 335]. Объективным фактором, налагающим ограничения на использование адъектива в данной функции, является, по-видимому, то, что он не может быть детерминирован другим адъективом, за исключением притяжательного местоимения *мой / моя*.

Немногочисленны и случаи гомогенного рассеянного вокатива с доминантой – статусным обращением: *Милостивый Государь ... Милостивый Государь ... Милостивый Государь* [16, с. 37], *Милостивый Государь мой ... Милостивый Государь мой ... Милостивый Государь мой* [16, с. 51–54]. Абсолютная спецификация языковых клише такого рода в функции обращения делает их недостаточно информативными в плане характеристики объекта номинации. Именно это свойство определяет приемлемость подобных клише в непосредственном общении, особенно при необходимости обратиться к незнакомому или малознакомому человеку, однако эпистолярная коммуникация требует минимизации неопределённости в репрезентации ситуации общения, и в частности недвусмысленного обозначения адресата в письме хотя бы один раз.

Гетерогенный поливокатив чаще всего сочетает антропоним и апеллятив (каждый из компонентов может сопровождаться детерминантами): *дорогая Надежда Филаретовна ... Надежда Филаретовна ... мой бесценный друг ... мой дорогой и лучший друг* [17, с. 81–84]. Доминантой вокатива этого типа можно считать количественно преобладающий компонент, при этом в передаче различных эмоционально-оценочных значений, характеризующих нюансы межличностных отношений адресанта и адресата, в равной мере играет роль как выбор автором апеллятива, так и предпочтение той или иной формы антропонима, поэтому приведём примеры без схематизации, с именами, указанными в письмах. Вот тип гетерогенного поливокатива с доминантой-антропонимом: *благородная, порядочная Лица ... дитя моё ... Лица ... Лица ... Лица ... кукуруза души моей* [18, т. 11, с. 557–559], *пожарный Саиша ... Саишечка ... Саиша ... Саиша ... душенька – душенька* [18, т. 11, с. 540–541], *милый мой Толунок ... Тола ... мой мальчик* [15, с. 468–469], *милый Абрамыч ... дружок ... Абрамыч* [15, с. 539–540], *Олечка, дорогой мой друг ... дорогая тётя Ася ... Оля ... Оля ... тётя Ася ... тётечка* [13, с. 130–132] – и с доминантой-апеллятивом: *брат наш мерзавец Александр Павлыч ... скотина ... брат ... брат* [18, т. 11, с. 33–35], *дорогая дядя Коля ... душа моя ... старик ... старик ... старик* [9, с. 199–201]. Независимо от характера доминанты, начальное обращение в большинстве случаев включает в себя имя адресата, остальные же компоненты рассеянного вокатива комбинируются по-разному.

Регулярно строится рассеянный эпистолярный вокатив как сочетание антропонима и субстантивированного адъектива: *милая Лица ... очаровательная ... Лица ... Лица* [18, т. 12, с. 31–32], *дорогой мой Борис – дорогой мой Борис – дорогой Борис – мой бесконечно родной* [13, с. 493–494]; апеллятива и субстантивированного адъектива: *мой милый – мой милый – радость моя* [14, с. 326–327], *жена моя бесподобная – милый мой дусяк – родная – родная – радость моя* [18, т. 12, с. 480–481]; *актриска ... милюся ... славная моя актрисочка ... моя хорошая ... дуся, славная моя актрисочка* [18, т. 12, с. 404–405]; детерминированного антропонима и статусного обращения: *Милостивый Государь мой Пётр Иванович ... Милостивый Государь мой ... Милостивый Государь мой* [16, с. 57–58].

Конструкции более чем из двух компонентов допускают различные комбинации номинаций адресата в составе поливокатива, в частности сочетание антропонима, апеллятива и субстантивированного адъектива: *милый Шура ... дорогой ... дорогой мой ... брат ... брат* [9, с. 137–139]; антропонима, апеллятива и статусного обращения: *Милостивый Государь*

мой Пётр Иванович ... почтенный друг ... голубчик Пётр Иванович ... Милостивый Государь мой [16, с. 112] и др.

Таким образом, рассеянный вокатив – это регулярно циркулирующая в эпистолярике лингвистическая фигура со своей особой структурной и функциональной маркировкой, являющаяся одним из наиболее существенных параметров письма как документа и речевого произведения. Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении прагматики рассеянного эпистолярного вокатива, а также в выяснении закономерностей комбинирования, размещения и распределения его компонентов в тексте письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. – 140 с.
2. Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова / В. Е. Захарова // Языковое мастерство А. П. Чехова. – Ростов, 1988. – С. 110–115.
3. Климова Н. В. Структура и стилистические функции обращения в письмах И. С. Тургенева / Н. В. Климова // Исследования по русскому языку: Сб. работ кафедры русского языка. – Днепропетровск, 1970. – С. 127–133.
4. Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств: Межвуз. темат. сборник. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1981. – С. 76–86.
5. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Черняева Алла Борисовна. – СПб., 2008. – 16 с.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Блок А. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского: Т. 8. Письма. 1898–1921. – М.–Л.: ГИХЛ, 1963. – 772 с.
2. Герцен А. И. Сочинения в 9 т. / под общ. ред. В. П. Волгина, Б. П. Козьмина, С. А. Макашина и др. – Т. 9. – М.: ГИХЛ, 1958. – 756 с.
3. Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.). – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1973. – 496 с.
4. Есенин С. А. Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. / подгот. текста и прим. А. А. Козловского, А. М. Марченко и др. – М.: ГИХЛ, 1962. – 456 с.
5. Жуковский В. А. Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. / подгот. текста и прим. И. Д. Гликмана. – М.–Л.: ГИХЛ, 1960. – 784 с.
6. Мусоргский М. П. Письма. – 2-е изд. – М.: Музыка, 1984. – 446 с.
7. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. Письма. 1915–1968 / сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1986. – 542 с.
8. Переписка Бориса Пастернака / сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1990. – 575 с.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. – Т. 10. Письма. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 903 с.
10. Серафимович А. С. Собр. Соч. в 7 т. – Т. 7 / подгот. текста и прим. Р. И. Хигировича. – М.: ГИХЛ, 1960. – 728 с.
11. Суворов А. В. Письма [Текст] / отв. ред. А. М. Самсонов. – М.: Наука, 1986. – 808 с. (688 писем, на русск. 594)
12. Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк: В 3 кн. Кн. 1. 1876–1878 годы. – М.: Захаров, 2004. – 624 с.
13. Чехов А. П. Собр. соч. в 12 т. / под общ. ред. В. В. Ермилова, К. Д. Муратовой и др. – Т. 11. Письма. 1877–1892. – М.: ГИХЛ, 1963. – 696 с. – Т. 12. Письма. 1893–1904. – М.: ГИХЛ, 1964. – 784 с.